

Никонов В.А. Куда идет Европа?
Журнал «Стратегия России», № 11, 2012 год
Продолжение. Начало в № 10, 2012 год

НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич

Первый заместитель председателя комитета
Государственной Думы по международным делам,
декан факультета государственного управления
МГУ имени М.В. Ломоносова,
председатель правления фонда «Русский мир»,
доктор исторических наук

Катастрофическое финансовое положение Греции, а вскоре — Ирландии и Португалии поставило под угрозу евро и ЭВС в целом. Из двух зол — исключить их из еврозоны с угрозой цепной реакции или оказать им колоссальную по размерам помощь, лидеры ЕС избрали меньшее — помощь. Летом 2010 года начал работу Европейский стабилизационный фонд (European Financial Stability Facility). Размер займов, которые предоставляет фонд, мог достигать 440 млрд. евро, максимальный объем гарантий (после жесткой борьбы в отдельных странах и расширения объема фонда в 2011 году) — 780 млрд. евро. Крупнейший участник фонда — Германия, которая обеспечивала 211 млрд. евро. Другим инструментом стал Европейский финансовый стабилизационный механизм (ЕФСМ). С помощью этого инструмента Еврокомиссия может занимать на финансовых рынках средства в объеме до 60 млрд. евро для поддержки самых проблемных стран. ЕМФС начнет действовать в 2013 году, после того как будет узаконен соответствующими дополнениями к Лиссабонскому договору. Помимо этого Греция успела получить помощь с использованием других инструментов, а МВФ готов при необходимости предоставить 250 млрд. евро. Но ни у кого нет уверенности, что предложенных мер достаточно, если помощь понадобится более крупным членам ЕС.

Вторым направлением антикризисной стратегии была объявлена финансовая стабилизация, а главным ее инструментом — национальные программы стабилизации (для стран еврозоны) или конвергенции (для остальных участников ЕС), рассчитанные на 2011—2014 годы. Общим для них является переход к рестриктивной бюджетной политике, подкрепляемой структурными реформами, которые, помимо прочего, привели бы к увеличению доходов государства. В последних документах саммитов ЕС и Еврокомиссии подчеркивается, что ключевой задачей правительств является проведение «здоровой» экономической политики, важнейшей частью которой выступает резкое сокращение бюджетного дефицита.

Многие эксперты стали не без оснований предупреждать, что бюджетное самоограничение будет иметь следствием более затяжную депрессию, высокую безработицу, социальный протест. Страны еврозоны действительно попали в ловушку. Задолженность проблемных стран так велика, что финансисты всего мира боятся давать в долг не только странам «европейской финансовой периферии» — Греции, Ирландии, Португалии, но и таким крупным экономикам, как Испания и Италия.

Когда долги велики можно, конечно, снизить дефицит бюджета, то есть сократить расходы и попытаться увеличить доходы, убеждая инвесторов, что в будущем дефицита не будет. Однако сокращение дефицита во время нулевого роста только усиливает спад, поскольку государственные расходы не поддерживают совокупный спрос. Снижая дефицит во время кризиса, правительства направляют экономику в порочный круг: чем ниже темпы роста, тем меньше веры в то, что государство сможет расплатиться по долгам, тем сильнее нужно сокращать расходы и повышать налоги, тем ниже темпы роста и т. д.

«Положение осложняется тем, что до самого последнего времени европейские политики не старались понять экономическую природу нынешнего кризиса, — пишет российский экономист Сонин. — Половину проблемы — то, что германские (французские, финские и т. д.) избиратели не хотят платить по долгам греческого и ирландского правительств, — они понимали прекрасно. То, что Греции и Ирландии прописывалось снижение дефицита, было естественным. Однако и те страны, относительно которых заимодавцы совершенно не беспокоились (та же Германия), тоже озаботились снижением бюджетных дефицитов — неправильная политика в период низких темпов роста. Экономистов, даже самых знаменитых, таких как нобелевский лауреат Пол Кругман, которые говорили, что неправильно сокращать расходы, если сомнений в платежеспособности заемщика нет, никто не слушал»¹³.

Даже сейчас, когда стали ясны последствия преждевременного сокращения бюджетного дефицита в Британии (последствия печальные — посткризисное восстановление прекратилось) и стало ясно, к чему приведет необоснованное сокращение расходов в США, европейские политики не рассматривают всерьез увеличение расходов даже сильных экономик еврозоны. Они возлагают надежды на Европейский центробанк, который, хоть и с промедлением, переходит к менее ограничительной денежной политике, и на гипотетически более тесную координацию фискальной политики.

Кроме того, не имея собственной валюты, проблемные страны не смогли прибегнуть к таким антикризисным механизмам, как девальвации или эмиссия. Американский экономист Нуриэль Рубини, получивший известность за точный прогноз мирового финансового кризиса, подчеркивает: «Когда евро только создавался в качестве единой валюты в Европе, я, как и многие другие специалисты, выражал по этому поводу обеспокоенность. Страны, пользующиеся одной валютой, отказываются от важного инструмента — регулировки валютных курсов, необходимого для проведения корректировок. Если бы Греции и Испании разрешили понизить стоимость своих валют, их экономики укрепились бы — за счет увеличения экспорта. Более того, при переходе от своих валют к евро эти две страны отказались еще от одного инструмента, применяемого в периоды экономического спада — денежно-кредитной политики. Если бы они этого не сделали, то могли бы ответить на кризис, в котором оказались, снижением процентных ставок, чтобы стимулировать приток инвестиций (хотя при нынешней тяжелой рецессии снижение процентных ставок не сработало бы). Однако вместо прежней свободы действия руки у стран еврозоны оказались связаны»¹⁴.

Экономия на социальных расходах (повсеместное замораживание или даже сокращение заработной платы в государственном секторе, пенсионная реформа и т. д.) вызвали бурные манифестации трудящихся и протесты профсоюзов. Успех структурных реформ в значительной степени зависит от качества экономической политики. Но как показал кризис, в рядах европейских аутсайдеров оно было низким.

Кроме того, структурные реформы потребуют времени и никто не ждет эффекта раньше 2014 года.

Третье направление антикризисной стратегии — повышение качества управления экономическим развитием в национальных рамках и в масштабе ЕС. Здесь есть одна существенная проблема: внутренний дисбаланс в зоне евро между валютным союзом с его единой наднациональной валютной политикой и единым механизмом ее реализации в лице Европейского центрального банка, с одной стороны, и Экономическим союзом, который наделен лишь функцией координации экономической политики входящих в него стран, сохраняющих значительную автономию в ее разработке и реализации, — с другой. В рамках ЕС-27 степень координации экономической политики его участников еще ниже. Провозгласив Экономический и валютный союз, ЕС в еврозоне добился полного валютного единства, но экономический союз так и не состоялся.

Устранить разрыв между двумя составляющими ЭВС, перейти к единой экономической политике крайне сложно — правительства государств-членов не спешат расстаться со своими финансово-экономическими полномочиями. Сейчас избран путь усиления координирующей роли институтов ЕС. Одобренный Евросоветом документ «Евро плюс пакт», заменяющий действующий с 2003 года Пакт стабильности и роста, расширяет полномочия Еврокомиссии в части надзора и контроля над финансовой и экономической политикой государств-членов.

В 2012 году совокупный ВВП ЕС-27 увеличится менее чем на 1%, при этом по зоне евро динамика окажется еще хуже. Если вернувшая себе бесспорный статус локомотива экономики ЕС Германия в 2011 году опять уложилась в заданные рамки (дефицит консолидированного бюджета ожидается на уровне менее 1,5% ВВП), то многие страны зоны евро по-прежнему не способны обеспечить бюджетную дисциплину. Самой сложной остается ситуация в Греции. В 2011 году бюджетный дефицит составит около 9%, а в 2012-м ожидается его снижение лишь до 7%. В результате госдолг Греции вырос со 113% ВВП в 2008 году до 163% в 2011-м, а в 2012 году он может достичь 200% ВВП. Вероятность дефолта Греции Пол Кругман оценивает в 90%. Близка к критической ситуация в Ирландии и Португалии, где также не предвидится возвращения к низким значениям дефицита. Госдолг в Ирландии вырастает с 44% от ВВП в 2008 году до 115—120% в 2012 году, а в Португалии — с 72% до более чем 110%.

За кризисом в зоне евро не очень видны проблемы стран ЕС, живущих с собственными национальными валютами. Швеция, не поддерживающая усиление интеграции, выглядит островком стабильности (рост ВВП, профицит бюджета, сокращение госдолга до менее чем 35% ВВП в 2012 году и безработица на уровне 7—7,5%). Но в Центральной и Восточной Европе многие страны испытывают серьезные экономические и социальные трудности, хоть и могут прибегать к эмиссии и девальвациям.

К 2012 году кризис превратился в реальную угрозу не только нормальному функционированию, но и самому существованию коллективной валюты ЕС, обрушил суверенные кредитные рейтинги не только основных стран-должников, но и Евросоюза в целом, подрывая экономический и валютный союз. К краю финансовой пропасти подошли уже не периферийные экономики — Греция, Португалия, Ирландия, — но третья и четвертая по размеру ВВП страны Евросоюза — Италия и Испания. Для еврозоны и ЕС в целом дефолт этих крупных стран в принципе

недопустим, поскольку это приведет к неизбежному краху зоны евро. В связи с этим перспективы евро, которому еще совсем недавно предрекали роль главной мировой резервной валюты, стали неопределенными. Прогнозы относительно заката эпохи евро уже не считаются экстравагантными. Идея дробления еврозоны и Евросоюза висит в воздухе. В Великобритании заговорили о том, чтобы провести референдум об участии страны в ЕС. Польша и другие государства восточного расширения пригрозили пересмотреть условия своего членства в Евросоюзе, если его экономическое правительство будет создано без учета их мнения.

Негативный тренд был в какой-то степени приостановлен на саммите ЕС 7—8 декабря 2011 года, принявшем решение о заключении межправительственного бюджетно-налогового соглашения. Оно призвано противодействовать долговому кризису путем:

— ужесточения и автоматического применения санкций к странам еврозоны — нарушителям финансовой дисциплины (блокировать санкции может квалифицированное большинство в 75% членов еврозоны);

— внесения в конституции или равнозначные правовые документы «золотого правила» об обязательности сбалансированного или профицитного бюджета. Контроль за этим возлагается на Суд ЕС;

— проверки проектов госбюджетов до их принятия национальными парламентами; увеличения потолка временного стабилизационного фонда до 500 млрд. евро и замены его постоянным Европейским механизмом стабильности уже в июле 2012 года, то есть на полгода раньше изначально установленного срока;

— увеличения взносов стран еврозоны в МВФ на 200 млрд. евро, не в последнюю очередь, чтобы стимулировать другие страны — прежде всего США и государства БРИКС, а также наращивать свои вливания в МВФ для поддержки Евросоюза.

Соглашение одобрили все страны еврозоны, а практически все не входящие в нее участники ЕС — за исключением по-прежнему евроскептической Великобритании — намерены к нему присоединиться.

На декабрьском (2011 года) саммите был сделан серьезный шаг к углублению интеграции в ЕС. Высший наднациональный институт — Европейский совет — без согласования с Европарламентом и национальными парламентами принял решение, которое фактически подводит Единую налогово-бюджетную политику под единую валюту ЕС, в значительной мере забирая этот оплот национального экономического суверенитета из-под контроля государств — членов ЕС, причем не только входящих в еврозону. Правовой контроль также возложен на наднациональный институт — Суд ЕС, который усиливает свое значение фактического «конституционного суда» Евросоюза. Для руководства наделяемым новыми функциями ЭВС планируется создать «экономическое правительство», видимо, на основе нынешней Еврогруппы (Совета министров финансов стран еврозоны). По аналогичной схеме может быть преобразован Экофин (Совет министров финансов и экономики всех стран ЕС) или его основной рабочий орган Экономический и финансовый комитет (включающий — кроме министров финансов и глав центробанков стран — представителей Еврокомиссии и Европейского центрального банка). Еврокомиссия, получающая право ознакомления с проектами национальных бюджетов, имеет шанс превратиться в

некое подобие Госплана ЕС. Таким образом, кризис придал серьезный импульс если не серьезному углублению, то дальнейшей существенной бюрократизации Евросоюза.

Однако дальнейшее развитие экономической интеграции невозможно без передачи все большего объема компетенций национальных правительств на наднациональный уровень. В Совете — главном законодательном органе ЕС — все шире используется практика принятия решений квалифицированным большинством, без чего законотворческий процесс остановился бы. Дело вплотную подошло к действительному формированию экономического правительства Евросоюза. При этом тема национального суверенитета была и остается одной из самых болезненных во взаимоотношениях с гражданами, большинство из которых считает, что Европейский союз отчуждает элементы национального суверенитета и не дает ничего соразмерного взамен.

Все больше европейцев сетуют на дефицит лидерства. Среди нынешних глав государств нет сравнимых по масштабу с Черчиллем, Аденауэром, де Голлем или даже с Тэтчер или Делором. Еще более бесцветны руководители институтов Евросоюза, где высшие посты занимают политики и чиновники второго-третьего ряда, которые не добились большого успеха в собственных странах. Идея передачи в их руки суверенитета государств — членов ЕС популярностью не пользуется.

Любопытно, что, несмотря на все трудности, не снимается задача расширения еврозоны. Правда, Еврокомиссия предупредила, что проверка претендентов на их соответствие Маастрихтским критериям будет проводиться гораздо строже, чем ранее. Борьба с экономическими трудностями позволила старожилам ЕС найти оправдание снижению финансирования новых членов в рамках сельскохозяйственной, энергетической и других общих политик, экономии на проекте «Восточного партнерства», подмораживанию переговоров о принятии в ЕС новых членов. Одобрено лишь вступление Хорватии с июля 2013 года, из других балканских стран запланированы переговоры о членстве лишь с Черногорией. Переговоры с Сербией обусловлены «нормализацией» ее отношений с Косово, а о принятии Турции — фактически приостановлены.

Сложившаяся ситуация говорит о том, что восстановление европейской экономики будет долгим, а значит существует реальная угроза скатывания экономики ЕС в длительный период стагнации или, по меньшей мере, вялотекущего роста. Это может негативно сказаться на абсолютных показателях внешнеэкономических связей России и стран ЕС, которые являются нашими основными торговыми партнерами. Но, похоже, способно повысить заинтересованность в нашей стране как рынке сбыта и возможном источнике инвестиций.

СУДЬБА ЕВРОПЕЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

Западная Европа вправе гордиться успехами в создании модели социального государства, которая превратила ее в один из самых благополучных регионов мира. Интересен реализуемый Евросоюзом принцип социальной сплоченности. Способность ЕС к сопротивлению разрушительным факторам во многом зиждется на императиве солидарности, который все чаще претворяется в жизнь.

Однако в последние годы, особенно с начала кризиса, социальная напряженность на континенте нарастает. Главная проблема — безработица.

Основные показатели экономического развития в странах ЕС, %15

	Динамика ВВП		Динамика потребительских цен		Уровень безработицы	
	2011	2012	2011	2012	2011	2012
Германия	2,7	1	2,3	1,9	6,3	6,2
Франция	1,2	0,8	1,9	0,9	10	10,5
Италия	0,5	0,3	2,2	1	8,2	8,4
Испания	0,3	0,3	2,6	0,6	21	22
Нидерланды	1,6	0,9	2,2	1,2	4,3	4,7
Зона евро (16)	1,3	0,6	2,3	1,3	10	10,5
Великобритания	1	0,7	4,2	2,8	7,8	8,1
Польша	4	3,5	4	3,1	9,4	9,3
ЕС-27	1,5	0,7	2,7	1,7	9,6	10

Наиболее критичная социальная обстановка в Испании, где безработица превышает 20%. Похожее положение с занятостью в Греции, Латвии, Литве, Ирландии. Драматично складывается ситуация с занятостью лиц с высоким уровнем образования.

Сильно на рынок труда влияет деиндустриализация. Люди, которые раньше работали в сфере материального производства, устремляются в чиновники. Они хотят не только чистой работы и стабильной зарплаты, но и повышения своего статуса. Отсюда — стимулы для раздувания административного и государственного аппарата. По данным ОЭСР, сегодня в странах ЕС на общие государственные услуги, то есть на управленческий аппарат, уходит 10—17% госрасходов, что сравнимо с расходами на здравоохранение или образование.

Резко обострилась проблема молодежи, хотя, казалось бы, сегодняшние молодые европейцы имеют возможности, о которых их родители не могли и мечтать. Они свободно путешествуют по 27 странам ЕС, участвуют в программах студенческих обменов, Интернет обеспечивает доступ к любой информации, а Болонский процесс — к качественному и разнообразному университетскому образованию. Однако молодежь стала заложницей снижающейся экономической конкурентоспособности Евросоюза. Предложение в последние десятилетия решительно переориентировалось на молодежь, европейские маркетинговые стратегии направлены на лиц до 25 лет: электроника, одежда, ночные клубы, дискотеки, массовые зрелища, фитнес, туризм. Молодежь с детских лет заражена престижным конюмеризмом. Люди среднего возраста попадают в рекламу для продвижения мыла, крема от морщин, мыла или туалетной бумаги. Находясь на содержании родителей, дети и молодые люди привыкают ко многим благам, которые становятся недоступными при переходе к самостоятельной жизни. При этом содержание детей обходится все дороже и растягивается на большее время. Молодые европейцы все позже покидают отчий дом, вступают в брак и заводят детей. Сейчас в возрасте 20—24 лет с родителями и без партнера в среднем по ЕС живут 75% юношей и около 60% девушек. В 2010 году в среднем по Евросоюзу безработица среди лиц до 25 лет составляла 21%, для

остальных возрастов — 8%. В Греции, Словакии и трех балтийских странах молодежная безработица достигала 33—35%, а в Испании — 42%.

Система образования испытывает напряжения. Целью ЕС является снижение числа не закончивших школу до 10% и увеличение доли лиц с высшим или средним специальным образованием до 40%. Однако за первое десятилетие XXI века первый показатель сократился с 17,6% только до 14,1%. Второй показатель вырос с 22,4% до 33,6%, однако в Италии, Румынии, на Мальте он не дотягивает и до 20%. Низкие показатели образования фиксируются также в Испании и Португалии, где не доучивается в школе и не идет получать какое-либо профессиональное образование 28—29% молодежи. Абсолютный аутсайдер — Мальта, где таковых 37%.

Нарастающий разрыв между представлениями о «нормальных» жизненных стандартах и возможностями их достижения оказывается одним из важных факторов социального протеста, в котором молодежь играет центральную роль. При этом Интернет и социальные сети снижают возраст фактического вступления молодежи в политику и усиливают ее голос. Жесткие комментарии посетителей страниц Европейской комиссии или Европейского парламента в Facebook разительно отличаются от того, что можно увидеть на официальном сайте Евросоюза. В некоторые дни этот сайт отражает по несколько десятков хакерских атак.

Недовольство населения ведет к массовым протестам против антикризисных мер, к смене правительств. Причем в одних странах власть была передана демонстративно дистанцировавшимся от основных политических партий правительствам «специалистов-технократов» (Греция, Италия), в других — к власти пришли главные оппозиционные партии с общественным мандатом на антикризисные меры (Испания, Португалия). В Южной Европе в 2011 году уже сменились все кабинеты министров, причем нет гарантий, что новые правительства удержатся до конца 2012 года.

СТАРЕЮЩИЙ КОНТИНЕНТ

К 2010 году население ЕС-27 впервые перевалило за полмиллиарда и составляло 501,1 млн. человек. Население с 1960-х годов росло на 1,5—2 млн в год, однако темпы роста постепенно сокращаются. Правда, начиная с 2003 года, суммарный коэффициент рождаемости поднялся с 1,45 до 1,6 в 2010 году и, согласно оценкам, может вырасти до 1,7, но этого недостаточно для простого воспроизводства. При этом несколько стран — Ирландия, Великобритания, Франция и Швеция — вплотную подошли к уровню рождаемости, который помог бы избежать демографического спада.

Европа стареет. Многочисленное поколение, родившееся в годы «бэби-бума», достигает предпенсионного порога. С 2014 года самодеятельное население начнет уменьшаться¹⁶. Свой вклад в старение населения внесли растущая продолжительность жизни: к 2060 году прогнозируется рост числа 80-летних с нынешних 4% до 12%. Теперь в Евросоюзе количество лиц, достигших 60 лет, ежегодно увеличивается на два с лишним миллиона; всего три года назад этот прирост составлял один миллион. В 1970 году в основных странах ЕС на каждого пенсионера приходилось 4—5 человек в трудоспособном возрасте, в 2010 году их было немногим более трех (при этом с 2014 года трудоспособное население в ЕС начнет сокращаться в абсолютном выражении). К 2030 году эта пропорция в некоторых странах, например в Германии, составит 2:1. Если учесть, что из всего трудоспособного населения в Европе занято не больше 65% (самые многочисленные группы неработающих — студенты и домохозяйки), то на

двух пенсионеров придется трое работников. Нынешние системы социальных отчислений никогда не были рассчитаны на такое соотношение.

По данным Банка международных расчетов (БМР), при сохранении нынешней структуры государственных расходов и доходов к 2030 году в Австрии, Германии, Италии, Нидерландах и Испании госдолг вырастет до 200% ВВП, а во Франции, Греции и Великобритании — до 300% ВВП. Чтобы справиться с нагрузкой, правительства идут на повышение пенсионного возраста и вводят гибкие схемы формирования пенсионных фондов, предлагая работникам увеличивать собственные отчисления. Люди, которым до выхода на пенсию осталось 10—15 лет, таких взносов сделать не успеют, если они не сделали их раньше. Лица старших возрастов всегда были критичны к Евросоюзу, а в условиях кризиса их негативные оценки только усилились. В 2011 году 38% лиц старше 40 лет выражали доверие ЕС, тогда как 50% заявляли об обратном.

На рубеже тысячелетий главным источником прироста населения в ЕС стала иммиграция. В последние годы ежегодное пополнение составляло 3—4 миллиона приезжих. В 2010 году в странах ЕС проживало 20,1 млн. иностранцев, или 6,5% населения. При этом качественным образом изменился характер иммиграции: ее костяк составили выходцы из неблагополучных стран Азии и Африки, в основном мусульманских. В 2011 году бурные события на Ближнем Востоке и в Северной Африке вытолкнули в страны Евросоюза дополнительные десятки тысяч иммигрантов.

ЖИВ ЛИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ?

Новые иммигранты уже принесли менталитет, образ жизни и систему ценностей, которые плохо стыкуются с обычаями коренного населения Старого Света, не хотят воспринимать нормы и ценности западного общества, не спешат интегрироваться — овладеть языком страны пребывания, принять ее обычаи. Они все чаще рассматривают себя как отдельную этническую общность, отстаивающую свое право на «инаковость» с использованием политических и юридических инструментов. Среди иммигрантов последних волн значительна доля лиц без образования и профессиональных навыков, чье использование даже на неквалифицированной работе порой оказывается невозможным, что обрекает их на маргинальность, превращая в перманентных получателей помощи за счет налогоплательщиков. Стоит ли удивляться, что в государствах с высокой долей новых иммигрантов растет настороженность коренных жителей к чужакам, иногда перерастающая в нетерпимость. Среди коренных жителей европейских стран усиливаются ксенофобские и антиэмигрантские настроения, националистические партии набирают все больше голосов. А некоторые крайние проявления их протеста принимают порой чудовищные формы — от неофашизма до террора.

Коренные европейцы считают, что иммигранты занимают их рабочие места, а те — что общество взваливает на них самую тяжелую и низкооплачиваемую работу. Действительно, среди иммигрантов процент лиц с низким уровнем образования вдвое выше, чем среди местного населения. Однако доля людей с высшим образованием в обеих группах почти одинакова — соответственно 25% и 27%. При этом шансы приезжих найти достойную работу гораздо хуже. По данным за 2009 год, 19% урожденных европейцев с высшим образованием работало на должностях, подразумевавших среднюю и низкую квалификацию. Среди лиц, рожденных вне Европейского союза, таких было вдвое больше — 38%. В Испании и Италии на

должностях, не соответствовавших квалификации, трудилось 60% иммигрантов с высшим образованием, а в Греции почти 80%.

Официальная политика государств-членов и всего Евросоюза долгие годы была направлена на то, чтобы не допустить роста националистических настроений. Два-три десятилетия назад из европейского лексикона напрочь исчезло слово «родина». За годы председательства в Европейской комиссии Жозе Мануэл Баррозу произнес его лишь однажды, назвав в 2004 году Германию «родиной субсидиарности». Однако созданная атмосфера тотальной политкорректности привела к тому, что проблемы межнациональных отношений оказались за рамками публичной дискуссии. Европейский союз поощряет развитие национальных культур, но фольклорные фестивали не заменяют этого понятия, которое в традициях европейской культуры сакрально, основано на вере в избранность Богом своего народа и в его предназначение. Очень немногие европейцы ощущают своим отечеством Евросоюз.

Большие надежды возлагались на внедрение в общественное сознание ценностей так называемого мультикультурализма, который должен был прийти на смену традиционной ставке на ассимиляцию меньшинств. Мультикультурализм исходит из презумпции возможности и даже полезности параллельного существования и взаимодействия этнических, многосоставных общин, представляющих не только разные культуры, но и разные цивилизации. Сейчас, однако, утверждается мнение о тщетности усилий по его внедрению. В 2011 году сразу несколько лидеров ведущих демократических стран — Ангела Меркель, Николя Саркози, Джеймс Кэмерон — высказали мнение, что мультикультурализм мертв.

Одновременно в ряде стран попытались сократить приток приезжих, ужесточив иммиграционные законы. Затем упор был сделан на то, чтобы разделить потенциальных иммигрантов на «нужных» и «ненужных», облегчив первым преодоление законодательных барьеров, и сделать их непроницаемыми для вторых. Пока, однако, наиболее очевидным результатом подобных действий стало резкое увеличение численности нелегальных иммигрантов и нарастание демографической проблемы. «Единственный реальный способ предотвратить демографический кризис в Европе — ввозить больше иммигрантов, — констатирует Фарид Закария. — Но, похоже, что европейские общества не способны ассимилировать людей иных культур, особенно из сельских и отсталых регионов исламского мира. Вопрос, кто в этой ситуации проигравший — иммигранты или общество — неуместен. Политическая реальность заключается в том, что Европа старается принимать все меньшее число иммигрантов, тогда как ее экономическое будущее требует все больше приезжих» 17.

22 июля 2011 года Андерс Брейвик взорвал бомбу в правительственном квартале Осло, а затем поплыл на остров, на котором проходил молодежный лагерь Рабочей партии, где расстрелял более 70 его участников. Таким образом, 32-летний норвежец намеревался пробудить Европу ото сна, который не позволяет видеть угрозу гибели от нашествия мусульман и потакающих им левых и либералов. Брейвик ужаснул Европу, и в краткосрочной перспективе позиции ультраправых партий оказались подорваны. На состоявшихся в сентябре 2011 года муниципальных выборах в Норвегии за националистическую Партию прогресса, которую еще в начале лета называли самой влиятельной силой в стране, проголосовали «всего» 11,8% избирателей. Гораздо меньше голосов, чем ожидалось, получили на проходивших тогда же выборах национал-консервативные партии Дании и Франции. При этом антииммигрантские и антиисламские настроения в Европе не пошли на убыль. По данным августовского 2011 года опроса Ipsos Global Reseach, 72% бельгийцев, 64% британцев, 56%

итальянцев, по 54% немцев и французов уверены, что мигранты негативно влияют на их страны. Распространенными остаются и исламофобские настроения. Опрос Pew Research выявил, что 90% французов и 79% немцев считают ислам «наиболее жестокой» религией, 61% немцев называют свои отношения с мусульманами «плохими», 72% жалуются, что мусульмане не хотят интегрироваться в общество¹⁸.

Сами ультраправые на фоне падающих рейтингов их партий после теракта в Норвегии успели переориентироваться, сконцентрировав усилия на новом объекте для критики — евро и Евросоюзе. Британская национальная партия, французский «Национальный фронт», голландская и австрийская Партии свободы, «Истинные финны» и другие влиятельные европейские правые радикалы теперь активно вербуют сторонников в рядах евроскептиков, число которых быстро растет по мере углубления кризиса в ЕС. Брюссель и евробюрократы — полагаю, временно — заменили националистам мечети и хиджабы.

По мнению социологов, новая тактика может дать ультраправым электоральные дивиденды. Так, в Германии, по данным опроса центра Forsa, 54% населения поддерживают требование о возврате к марке. А по данным исследования института Emnid, до 40% немцев на следующих выборах поддержали бы партию, выступающую за ослабление связей с Брюсселем. Неудивительно, что праворадикальное движение Pro Deutschland, с треском провалившее сентябрьские выборы в законодательное собрание Берлина, переделывает агитпродукцию. Вместо лозунга «Нет мечетям!» на новых, более популярных флаерах написано: «Нет спасению Греции за счет немецких пенсионеров!».

Традиционные правоцентристские партии — консерваторы, христианские демократы — тоже берут на вооружение антибрюссельские лозунги. Так, на проходившей в октябре 2011 года партийной конференции правящей британской Консервативной партии всерьез обсуждалась идея проведения референдума о выходе из ЕС. В поддержку этой идеи в Интернете проголосовало к тому времени уже более 100 тысяч британцев.

Обострение миграционной ситуации в Европе вызвало сбой в функционировании шенгенского режима. В мае 2011 года министры внутренних дел стран Евросоюза проголосовали за разрешение государствам ЕС в экстренных ситуациях восстанавливать контроль на границах, что свидетельствует об откате в тенденции к открытости границ, которая считалась ключевым достижением европейской интеграции.

«Главная проблема современного Евросоюза — утрата европейской идеи и невнятность европейской идентичности»¹⁹, — подчеркивает профессор МГИМО Ольга Буторина. Его лидеры так и не смогли дать вразумительный ответ на вопрос, что значит быть европейцем сегодня. Названные в Лиссабонском договоре европейские ценности — свобода, демократия, права человека, верховенство закона — являются универсальными для всего цивилизованного мира без особых признаков «европейскости». Упоминания о христианских корнях Европы были изъяты из проекта конституции еще на стадии ее подготовки. Тем более ЕС стесняется говорить со своими гражданами о наследии крестовых походов, противостоянии пап и королей, Ренессансе, церковной реформации и религиозных войнах, колониализме или Просвещении. Под негласный запрет попал период строительства социализма в истории стран Центральной Европы. Старый Свет все меньше ощущает свои цивилизационные корни.

Но означает ли это все смерть мультикультурализма? Полагаю, мертв не мультикультурализм, а то упрощенное его понимание, которое широко распространилось в предыдущие десятилетия.

ЕВРОПА В МИРЕ

Тенденции народонаселения, расположение ключевых точек экономического и геополитического роста отражает движение от евроцентристского мира. Известный американский аналитик и директор по России в Совете национальной безопасности США при Джордже Буше-мл. Томас Грэм очень точно подметил: «Первое и наиболее важное в стратегическом отношении заключается в том, что Европа, в отличие от предыдущих 400—500 лет, больше не находится в центре международной системы, а борьба за преимущества и господство в Старом Свете впредь не будет основным содержанием международных отношений»²⁰. Европа остается важным центром экономической мощи. Но центр глобальной динамики явственно смещается из Европы и Атлантики на Восток — в Южную Азию и Тихоокеанский регион. Это накладывает отпечаток на стратегическую ось США—Европа.

АМЕРИКА И ЕВРОПА

Роль стран Европейского Союза в стратегических расчетах американского руководства скорее снижается. В Европе, с точки зрения Вашингтона, основные стратегические задачи были решены еще в 1991 году, когда прекратили существование Варшавский договор и Советский Союз. Проблемы Старого Света для США второстепенны по сравнению с Ближним Востоком, Ираком, Ираном, Афганистаном, Пакистаном и, конечно, Китаем. Кроме того, Соединенные Штаты удовлетворены сложившейся сегодня иерархией организаций по безопасности в Европе, на вершине которой находится НАТО. В Вашингтоне нет ощущения, что в Европе надо что-то по-крупному менять. «Вроде бы, здесь все в порядке». Обама без труда удалось улучшить атмосферу отношений с ключевыми европейскими союзниками, разочарованными предыдущей администрацией Джорджа Буша-мл. Реализация инициативы ЕС в области самостоятельной европейской политики обороны и безопасности затормозилась. Экономика стагнирует, что делает маловероятным превращение Европы в равного конкурента.

Меняющийся статус Европы приводит к некоторой минимизации интересов Вашингтона на европейском континенте, которые, по словам Грэма, в последние десятилетия выражались тремя простыми формулами:

— не допустить доминирования какой-то одной державы в Европе и — в более широком смысле — в мире;

— минимизировать риск конфронтации великих держав в Европе, не позволив тем самым дестабилизировать мировую систему и уничтожить значительную часть благосостояния;

— развивать тесные торговые отношения на благо процветания Америки в долгосрочной перспективе.

В сегодняшних условиях, однако, США нужна единая Европа, выполняющая роль подлинно глобального партнера, противостоящего многочисленным вызовам и

способного управлять все более сложной мировой системой.... «Это будет Европа, разделяющая — в широком смысле — американские ценности»²¹.

С другой стороны, в Вашингтоне зреет разочарование в европейских союзниках, как в связи с их нежеланием и неспособностью помочь даже партнерам по альянсу, например Греции, так и из-за растущей оппозиции в Европе росту оборонных расходов и военных обязательств. «Демилитаризация Европы, где большие группы общественности и политического класса возражают против применения военной силы и связанных с этим рисков, означает эволюцию от благословения в XX веке к созданию препятствий в деле обеспечения безопасности и длительного мира в XXI веке, — говорил 23 февраля 2010 года в Национальном университете обороны Роберт Гейтс. — Происходящие из-за этого сокращения в финансировании и возможностях делают сложными совместные операции и боевые действия». Министр обороны США посетовал, что только 5 из 28 стран — членов НАТО выдерживают обязательство расходовать на оборону больше 2% от своего ВВП²². В соответствии с последним четырехлетним обзором обороны (QDR), на европейском континенте предполагается сохранить четыре бригады и штаб армейского корпуса передового базирования. «Соединенные Штаты начнут также размещение видоизмененной противоракетной архитектуры США в Европе и нарастят военно-морское присутствие передового базирования в регионе в поддержку этой инициативы»²³. В серьезную проблему безопасности превращается создание системы ЕвроПРО, точнее, европейского комплекса национальной системы ПРО США. Решение поддержано всеми членами НАТО. Создание и размещение модифицированной системы ПРО с усилением ее морской составляющей продолжится, несмотря на жесткие российские возражения.

Но и в Европе растет недовольство Америкой. Герхард Шрёдер писал: «Кто сегодня прислушается к дискуссиям, возникающим среди интеллектуалов в Америке или в Европе, непременно отметит, что молодые американцы и европейская молодежь расходятся в своих представлениях об иерархии жизненных ценностей. То, что сегодня бездумно клеймят как «европейский антиамериканизм», с моей точки зрения, скорее свидетельствует о нарастании скепсиса во взглядах интеллектуалов, и не только европейских, на American way of life (американский образ жизни — *ред.*), на Великую Мечту американцев: мечту о счастье, понимаемом главным образом как преумножение индивидуального богатства... Разница между США и Европой в восприятии и оценке мировых проблем — таких как потребление энергии, изменение климата, демографический взрыв и обусловленные им проблемы миграции — становится все заметнее. Существенно расходятся и наши взгляды на то, какие меры наиболее эффективны в борьбе с терроризмом»²⁴.

СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКИЙ АЛЬЯНС

Главным стержнем евроатлантической интеграции остается НАТО. В принципе, с исчезновением СССР, в евроатлантической зоне не осталось опасностей, которые требовали бы сохранения крупнейшего на планете военно-политического блока. Но как распускать альянс, который только что триумфально победил заклятого врага прогрессивного человечества без единого выстрела? Если бы Российская Федерация была способна заменить Советский Союз в качестве «полюса отталкивания», концепция альянса обрела бы прежнюю стройность. Но Россия не в состоянии это сделать не только потому, что обладает военно-политический потенциалом в восемь раз слабее натовского, но и не навязывает другим народам альтернативный образ жизни. Стремление крупной страны частично восстановить утраченные геополитические позиции несет конфликтный заряд, но не экзистенциальный вызов.

Отсюда новая миссия — превращение НАТО из региональной в универсальную организацию безопасности. Иными словами, идея глобального полицейского (или, как говорили в 1990-е, «экспедиционного альянса») для наведения порядка там, где потребуется.

Окончание следует

Примечания

13 Константин Сонин. Осень евро // Ведомости. 12 сентября 2011.

14 См. Нуриэль Рубини, Стивен Мим, «Нуриэль Рубини: Как я предсказал кризис. Экстренный курс подготовки к будущим потрясениям», «Эксмо», 2011.

15 Россия и мир: 2012. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. М., 2011. С. 56

16 Demography Report 2010//Commission staff working document/European Commission, Directorate-General for Employment, Social Affairs and Inclusion and Eurostat, the Statistical Office of the European Union. P. 2.

17 Фарид Закария. Постамериканский мир. М., 2009. С. 210-211

18 Коммерсантъ. 11 октября 2011.

19 Ольга Буторина. Европа без Евросоюза // Россия в глобальной политике. Ноябрь-декабрь 2011. С.

20 Томас Грэм. Трансатлантическая безопасность: нужна ли ревизия? // Россия в глобальной политике. Май — июль, 2010. С. 68-69.

21 Томас Грэм. Трансатлантическая безопасность: нужна ли ревизия? // Россия в глобальной политике. Май — июль, 2010. С. 68-69.

22 <http://globalaffairs.ru/number/Transatlanticheskaya-bezopasnost-nuzhna-li-reviziya>

23 QDR. P.65.

24 Герхард Шрёдер. Моя жизнь в политике. М., 2007. С. 319, 322